

УДК 341.9

Н. В. Власова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Трансграничные частноправовые отношения в последние годы оказались в немалой степени затронуты санкционными ограничениями, вводимыми одной группой государств против конкретных стран, включая Россию. Технологический вектор развития международного частного права обуславливает структурную и содержательную трансформацию последнего. Исследование нацелено на выявление тенденций и векторов трансформации подходов к решению коллизионного вопроса и формирование оптимальной модели определения применимого права в условиях глобальных вызовов. Анализируются вопросы определения источников коллизионных норм, проблемы юридической квалификации, реализации автономии воли, норм непосредственного применения, оговорки о публичном порядке. Излагаются выводы о необходимости усиления публичных нормообразующих факторов при определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм, увеличении компонента интересов правопорядка в коллизионных факторах формирования норм о применимом праве, а также о перспективных путях развития единообразного коллизионного регулирования в СНГ, ЕАЭС, БРИКС.

Ключевые слова: коллизионная норма; иностранный элемент; кодификация международного частного права; квалификация; применимое право; автономия воли; сверхимперативные нормы; публичный порядок; глобальные вызовы; санкции.

UDC 341.9

N. V. Vlasova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

**APPROACHES TO THE DEFINITION
OF APPLICABLE LAW IN CROSS-BORDER
PRIVATE LAW RELATIONS:
TRENDS AND VECTORS OF TRANSFORMATION
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES**

Abstract. In recent years, cross-border private law relations have been largely affected by sanctions restrictions imposed by one group of states against specific countries, including Russia. The technological vector of development of private international law determines the structural and substantive transformation of the latter. The research is aimed at identifying trends and vectors of transformation of approaches of resolving the conflict of laws issues and forming an optimal model of determining applicable law in the context of global challenges. The issues of determining the sources of conflict of laws rules, problems of legal qualification, the implementation of the autonomy of the will, overriding rules, public policy clause are analyzed. The conclusions are presented on the need to strengthen public norm-forming factors in determining of the most effective way to formulate conflict of laws rules, increasing the component of the interests of public order in the conflict of laws factors of the formation of norms on applicable law, as well as on promising ways to develop uniform conflict regulation in the CIS, EAEU, BRICS.

Keywords: conflict of laws rule; foreign element; codification of private international law; qualification; applicable law; autonomy of will; overriding rules; public order; global challenges; sanctions.

Введение

В условиях введения недружественными государствами санкций в отношении Российской Федерации, ее граждан и организаций отечественная наука международного частного права (далее — МЧП) оказалась в ситуации неопределенности путей своего дальнейшего развития, когда трансграничный оборот со многими прежде постоянными иностранными партнерами практически прекращен, а формировавшиеся веками и казавшиеся неизблемыми классические принципы частного права (формальное равенство субъектов, неприкосновенность собственности, свобода договора), которые ранее неукоснительно соблюдались, теперь в одностороннем порядке грубо нарушаются. Неслучайно в рамках одного из тематических блоков XII Петербургского международного юридического форума – 2024 предусмотрено обсуждение вопроса «Международное (нес)частное право: как односторонние ограничения

меняют МЧП»¹. Вместе с тем тенденции формирования многополярного мира, поворота на Восток, на пространство БРИКС, ШОС, ЕАЭС, усиления стратегических связей с партнерами из нейтральных и дружественных государств обуславливают появление новых долгосрочных векторов развития МЧП.

Другой немаловажный фактор динамики современного социального, в том числе правового, пространства — цифровизация (и даже шире — технологизация) — ставит на повестку дня вопросы трансформации форм международных хозяйственных связей, инструментария коллизионного регулирования новых и видоизменяющихся частноправовых отношений с иностранным элементом, «формирования новых статуты и изменения функционала существующих» [11, с. 240–263]. Возникают новейшие трансграничные общественные отношения, реализуемые с применением цифровых технологий. Новыми акторами внешнеэкономического пространства становятся цифровые платформы [9; 15; 16]. Резонно ставится вопрос о возможности адаптации традиционных регуляторов трансграничных частноправовых отношений к их так называемому цифровому элементу либо о разработке новых норм, регламентирующих осуществление трансграничных связей с применением цифровых технологий.

Названные и иные факторы современного цивилизационного развития требуют обновления доктрины отечественного коллизионного права в направлении учета интересов российских граждан, общества и государства, обеспечения национальной безопасности в условиях глобальных вызовов.

Основное исследование

Источники коллизионных норм: общие подходы, ориентир для арбитражных институтов, проблемы кодификации и унификации

Круг источников, определяющих при решении коллизионного вопроса применимое право, закреплен в ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)². Несмотря на охват предметом МЧП трудовых отношений с иностранным элементом, Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ)³ не содержит коллизионных норм, не предусматривая даже возможность субсидиарного применения положений раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации к таким отношениям. Существование пробелов в коллизионном регулировании отдельных отношений, наряду с некоторыми

¹ Архитектура программы XII Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс]. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/docs/2024/programme/Архитектура_программы_ПМЮФ_2305.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

противоречиями действующего законодательства и дублированием коллизионных норм общего плана, актуализирует вопрос о кодификации законодательства о МЧП в форме специального закона, куда могли бы войти принципы и общие положения МЧП [11, с. 247].

Сфера и условия применения международных конвенций устанавливаются в их положениях. Одним из таковых является принадлежность участников соответствующего отношения (в ряде случаев — территорий) к государству, ратифицировавшему конвенцию, другим — наличие в отношениях иностранного элемента, который, как правило, определяется не через традиционную триаду «субъект – объект – юридический факт». В транспортных конвенциях он обуславливается нахождением места отправления и места назначения в разных государствах, не придается значения месту жительства или государственной принадлежности сторон. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года⁴ критерием своей применимости к такому договору считает нахождение места основной деятельности контрагента.

В связи со сказанным сложно согласиться с предложением о восполнении пробела в ГК РФ относительно исчерпывающего определения понятия «иностраннный элемент» за счет легального обозначения в качестве элемента последнего юридического факта, имевшего место за рубежом [6, с. 84]. Открытый перечень иностранных элементов в п. 1 ст. 1186 ГК РФ позволяет учесть все возможное многообразие характеристик отношений, имеющих связь более чем с одним государством.

Либерализация подходов к порядку решения коллизионного вопроса международным коммерческим арбитражем (от ориентации на *lex loci arbitrii* до обращения к коллизионным нормам, которые арбитры сочтут применимыми⁵) послужила отправной точкой для расширения свободы усмотрения арбитров в вопросах определения применимого права, в частности в направлении санкционирования непосредственного применения арбитражем норм материального права, которые он сочтет надлежащими (*фр. voie directe*)⁶ [3]. Иными словами, *voie directe* является, с одной стороны, наиболее гибким подходом в решении коллизионного вопроса арбитражем (хотя и не лишенным целого ряда недостатков, основным из которых является непредсказуемость правового регулирования), отражающим специфику трансграничного оборота, с другой — оставляющим обращение к коллизионным нормам прерогативой исключительно государственного суда. Вместе с тем следует иметь в виду,

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010417> (дата обращения: 02.05.2024).

⁵ О международном коммерческом арбитраже: Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 // Российская газета. 1993. № 156. Ст. 28. П. 2.

⁶ Такой подход отражен в законодательстве Германии, Индии, Нидерландов, Франции, Швейцарии, арбитражных регламентах популярных арбитражных центров (Международный арбитражный суд Международной торговой палаты, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Гонконгский, а также Сингапурский международный арбитражный центр и др.).

что такой подход, реализуемый при рассмотрении спора с участием российских лиц, может повлечь риски злоупотребления арбитражем в умышленном подчинении таких отношений «недружественному» праву, не отражающему интересы российских граждан, организаций и государства в условиях действия санкционных ограничений.

Создание единообразного международного коллизионного регулирования трансграничных частнопроводных отношений сложно считать достаточно успешным. Эти вопросы долгое время были предметом деятельности Гаагской конференции по МЧП, под эгидой которой было заключено несколько коллизионных конвенций разной степени популярности. Вместе с тем сколько-нибудь существенное распространение получили те из них, что определяют применимое право в семейных и наследственных отношениях, тогда как коллизионные вопросы вещных прав, договорных и внедоговорных обязательств либо в меньшей степени служили объектом унификации, либо повлекли малое число ратификаций. Более значительными в предметном и количественном выражении являются результаты региональной унификации коллизионных норм в европейском и латиноамериканском правовом пространстве.

Тренд на регионализацию, вносящий коррективы в доминирующие прежде глобализационные процессы, заставляет задуматься о создании эффективного правового регулирования в рамках интеграционных объединений, участницей которых является Россия.

В рамках СНГ единообразные коллизионные нормы сосредоточены в трех основополагающих международных соглашениях⁷, а также в модельных законах⁸. Жесткие коллизионные нормы Минской и Кишиневской конвенций, Киевского соглашения не соответствуют современным тенденциям коллизионного регулирования различного рода отношений, составляющих предмет МЧП, не учитывают локализацию, характер и содержание соответствующих

⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в Минске 22 января 1993 года // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в Кишиневе 7 октября 2002 года // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5501; Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: заключено в Киеве 20 марта 1992 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/ (дата обращения: 02.05.2024).

⁸ Первым и основным среди них стала Модель Гражданского кодекса для стран СНГ (часть третья) 2003 г. (см.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2003. № 31). Практика принятия современных модельных законов в рамках СНГ идет по пути объединения в одном документе материально-правовых и коллизионных норм (модельные законы 2023 года: о цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1112), о цифровых финансовых активах (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1113), о защите прав потребителей (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1121), об обязательствах вследствие неосновательного обогащения и действий в чужом интересе без поручения (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1123)).

обязательств, а также расширение сферы применения автономии воли⁹. Однако и законодательство о МЧП стран СНГ оперирует необновленными правилами, в частности в отношении формы сделки, статуса внешних отношений представительства, а применительно к внедоговорным обязательствам не учитывает намерения их сторон по выбору применимого права, который допускается во многих правопорядках, включая Россию. Большой гибкостью и диспозитивностью обладает определение формы сделки по *lex causae* в качестве генеральной привязки, тогда как место ее совершения, доминирующее сейчас в качестве формулы прикрепления в конвенциональном и национальном правовом пространстве СНГ, целесообразно закреплять в качестве альтернативной привязки субсидиарного характера.

В контексте обеспечения определенности в вопросе отыскания компетентного правопорядка в правовом пространстве евразийской интеграции, на наш взгляд, требуется совершенствование действующего коллизионно-правового регулирования как по обозначенным, так и по иным позициям. Альтернативным вариантом могло бы стать создание рекомендательного коллизионного регулирования — модельного закона о МЧП, включающего основанные на обновленном в 2013 году российском законодательстве о МЧП, лучших зарубежных законодательных решениях, коллизионных конвенциях и наднациональных регуляторах современные нормы, отвечающие тенденциям усиления принципа автономии воли — в том числе во внедоговорных обязательствах, — расширения статуса отдельных отношений, закрепления специальных коллизионных привязок для ряда отношений. Примером может служить Предварительный проект типового закона о МЧП OHADAC (сокр. от *фр.* Organization pour l'Harmonisation du Droit des Affaires en les Caraïbes — Организация по гармонизации коммерческого права в Карибском бассейне)¹⁰. Целесообразным представляется не дробление коллизионных норм и распределение их в модельных законах, посвященных отдельным видам частноправовых отношений, а объединение коллизионных норм в едином документе.

Идея унификации коллизионного регулирования поддерживается в доктрине, где предлагается пойти еще дальше и осуществить общую унификацию в форме международного договора, содержащего общие и специальные принципы коллизионно-правового регулирования, единые подходы к применению коллизионных норм и их ограничений [14, с. 53]. Но если идея всеобщего универсального международного договора едва ли выглядит осуществимой,

⁹ В этих документах форма сделки, права и обязанности сторон по ней определяются по законодательству места ее совершения; права и обязанности сторон по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, — по законодательству государства, где имело место причинение вреда; форма и срок действия доверенности — по законодательству страны места ее выдачи.

¹⁰ Draft OHADAC Model Law Relating to Private International Law [Electronic resource]. URL: <https://www.ohadac.com/textes/5/avant-projet-loi-modele-ohadac-relative-au-droit-international-prive.html> (accessed: 02.05.2024).

учитывая в том числе специфику современного международного пространства, а также стандартно длительное согласование воле государств на выработку тех или иных коллизионных подходов, которые потенциально будут ограничивать их суверенитет и публичные интересы, то разработка соответствующего акта в условиях региональных интеграционных объединений — при необходимости в форме рекомендательного акта — представляется более реальной.

Унификационные процессы в сфере коллизионного регулирования в рамках сложившегося правового пространства СНГ и ЕАЭС, появление новых моделей организации межгосударственного сотрудничества, усиление потенциала БРИКС, демонстрирующего очевидные тенденции к расширению, а также тот факт, что право БРИКС находится в начальной стадии своего формирования, выступают факторами активизации компаративистского подхода в изучении особенностей законодательства о МЧП стран, входящих и планирующих присоединиться к БРИКС.

***Прыжок в неизвестность:
проблемы предварительной квалификации
и установления содержания иностранного права***

Обращение к национальному праву иностранного государства порождает ряд проблем, начиная с прыжка в неизвестность [8, с. 45], то есть квалификации юридических понятий, определения применимого права и установления содержания норм иностранного права, если подлежащим применению окажется оно (при этом необходимо учитывать, что неправильное применение права судом влечет негативные последствия в виде отмены судебного решения), и заканчивая применением оговорки о публичном порядке и действием норм непосредственного применения.

Вопросы предварительной квалификации имеют первостепенное значение в определении права, применимого к отношениям, неизвестным правопорядку государства, суд которого рассматривает трансграничный спор, или известным, но имеющим иную правовую природу и содержание.

Хрестоматийным примером здесь является исковая давность, определяемая в зависимости от конкретного правопорядка либо как материально-правовой, либо как процессуальный институт. ГК РФ напрямую подчиняет вопросы квалификации исковой давности *lex causae* (ст. 1208), а принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам — *lex rei sitae* (ст. 1205, 1205.1). В остальных случаях предварительная квалификация осуществляется по общему правилу в соответствии с *lex fori*.

Другой пример — конкуренция внедоговорных требований, квалификация которых как деликтных либо кондикционных, деликтов и преддоговорной ответственности, кондикции и действий в чужом интересе без поручения непосредственным образом влияет на их коллизионное регулирование и, следовательно, может привести к разным материально-правовым результатам разрешения спора

[7, с. 95]. Однако предлагаемое решение этой проблемы — выбор применимого права, который должен помочь избежать обращения к объективным коллизионным привязкам, — представляется не вполне подходящим, ввиду того что суду, очевидно, потребуется подтвердить допустимость автономии воли в соответствующих отношениях, что потребует их предварительной квалификации.

Трудности в многообразии потенциальных квалификаций имеющего комплексный характер трансграничного дистрибьюторского договора также усложняют определение применимого к нему права. Однако помимо предпосылки для решения коллизионного вопроса юридическая квалификация этого договора обуславливает применение к нему в ряде случаев свехимперативных норм (например, если он будет квалифицирован как агентский договор, условия об исключительности которого в силу п. 3 ст. 1007 ГК РФ¹¹ являются ничтожными).

Автономная квалификация как альтернатива широко применяемым квалификациям по *lex fori* и *lex causae* предполагает установление общих универсальных правовых концепций и принципов, применимых абсолютно ко всем правопорядкам [5, с. 42–43]. Эта доктрина, сформулированная Э. Рабелем, в силу своей сложности и малой осуществимости едва ли могла быть воспринята в законодательстве о МЧП, вместе с тем справедливо и то, что суд может «исходить из обобщенного толкования юридических понятий» [5, с. 43], что неоднократно демонстрировали российские арбитражные суды, признававшие неизвестные им иностранные правовые институты исходя из общих правовых стандартов¹².

Установление содержания норм применимого иностранного права тоже не лишено определенных барьеров. Как справедливо замечает М. В. Мажорина, рассматривая отдельные институты МЧП через призму искусства, отсылка коллизионной нормы к иностранному праву для судьи «может оказаться сродни блужданию по темному лабиринту» [8, с. 45–46]. Кроме того, внутрисударственное право часто не учитывает специфику трансграничного оборота, «может оказаться „враждебным“ по отношению к иностранцам, непредсказуемым, не соответствующим разумным ожиданиям сторон» [8, с. 46].

Сказанное позволяет еще раз подчеркнуть вплетение компаративистской методологии в нормативно-правовую и правореализационную ткань МЧП, где методы сравнительного правоведения задействованы не только в области собственно анализа и сопоставления законодательных актов о МЧП разных стран, но и в сфере тщательного изучения иностранного гражданского, семейного, трудового права в качестве потенциально применимого к частнопра-

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹² См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 26.02.2013 № 156 (далее — информационное письмо Президиума ВАС РФ № 156). П. 5, 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/17499/> (дата обращения: 02.05.2024).

вовым отношениям с иностранным элементом. Сохраняет свою актуальность и рекомендация для сторон и их представителей четкого и выверенного предварительного согласования известного им правопорядка.

**Автономия воли:
краеугольный принцип коллизионного права
или предел действия коллизионных норм?**

Автономия воли претендует на роль основополагающего института коллизионного права, принципа коллизионного права, начала регламентации уже не только договорных, но и внедоговорных обязательств, вещных прав, брачно-семейных отношений с иностранным элементом. Такое ее значение обосновывается в доктрине и подкрепляется положениями коллизионных конвенций и наднациональных регуляторов, нормами действующего законодательства о МЧП большого числа государств, включая Россию.

Опубликование Гаагской конференцией по МЧП в 2015 г. Принципов о выборе права в международных коммерческих контрактах (далее — Принципы)¹³ открыло новый этап в эволюции автономии воли. Помимо того, что коллизионные нормы впервые были установлены в негосударственном источнике (хотя прерогативой санкционирования действия иностранных частноправовых норм в пределах своей национальной юрисдикции обладает только государство), Принципы в ст. 3 прямо закрепили допустимость выбора сторонами указанных контрактов вненациональных регуляторов.

Положения ГК РФ о подразумеваемом выборе права, конкретизированные Пленумом Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ)¹⁴, в совокупности с допустимостью альтернативного (условного) выбора права, распространением положений п. 1–3 и 5 ст. 1210 ГК РФ на отношения, не основанные на договоре, и разрешенным выбором права во внедоговорных отношениях позволяют сделать вывод о категоризации автономии воли в качестве своеобразного предварительного предела действия коллизионных норм, целесообразность обращения к которым суда при наличии соглашения либо оговорки о применимом праве практически полностью исключается, а единственными ограничителями действия автономии воли служат нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке.

Отметим также подтвержденную Пленумом ВС РФ допустимость прямо выраженного соглашения сторон о выборе в качестве применимого к договору права рекомендательных актов.

¹³ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts [Electronic resource]. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (accessed: 02.05.2024).

¹⁴ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 09 июля 2019 года № 24 (далее — постановление Пленума ВС РФ № 24) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/28079/> (дата обращения: 02.05.2024).

Вместе с тем законодательные и доктринальные подходы к широкому определению автономии воли должны органично сочетаться с их верным применением в практике трансграничного сотрудничества. Нередки случаи затруднений государственных судов и арбитражных институтов в выявлении действительной воли сторон на выбор применимого права, приводящих к выводу о недостижении такого соглашения (указание одновременно на два правопорядка без соответствующего расщепления договорного статута; разночтения в выборе применимого права в соглашениях, составленных на двух языках и др.).

Определенным своеобразием отличается реализация принципа автономии воли в отношениях недоговорного характера, что обусловлено публичным интересом и необходимостью защиты слабой стороны. Например, в преддоговорных отношениях выбор права допустим в субсидиарном порядке и ограничен фактом причинения вреда (ст. 1222.1, 1223.1 ГК РФ) [10, с. 77]. Во внешних отношениях представительства выбирает применимое право (в письменной форме) только одна их сторона — представляемый (ст. 1217.1 ГК РФ). Возмещение вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги определяется по праву, выбранному потерпевшим из числа предусмотренных п. 1 ст. 1222 ГК РФ альтернативных коллизионных привязок, тогда как право, выбранное сторонами этих отношений, применяется в субсидиарном порядке.

Согласование применимого права в деликтных и кондиционных обязательствах (ст. 1223.1 ГК РФ) возможно только после наступления соответствующего обстоятельства, хотя в отдельных и вместе с тем весьма распространенных случаях (при реализации крупного строительного проекта и т. д.) более предпочтительным с точки зрения рискориентированного подхода, обеспечения равенства сторон, а также правовой определенности и предсказуемости правового регулирования может быть предшествующий выбор права [7, с. 103–110].

Отдельные внедоговорные институты материального гражданского права вообще не получили коллизионного регулирования, что ставит под сомнение допустимость автономии воли сторон участников таких отношений при возникновении коллизионной проблемы, исходя из прямого толкования п. 6 ст. 1210 ГК РФ. Например, речь идет о действиях в чужом интересе без поручения.

Однако и договорные отношения фактически не свободны от ограничений в реализации принципа автономии воли сторон. Используемые в пользовательских соглашениях компаний платформенного типа (Google, Amazon, eBay) оговорки о применимом праве демонстрируют весьма условную автономию воли сторон, стандартно определяя в качестве применимого право одной и той же юрисдикции [9, с. 114], «хорошо продающийся» глобальный закон различных отраслей [17]¹⁵.

¹⁵ Принятое в международной коммерческой практике подчинение норм договора международного франчайзинга американскому праву, договоров международной перевозки — английскому праву и т. д. [9, с. 114].

Определенная модернизация назрела и в международном семейном праве, где «повышения значения автономии воли не произошло, а применение иностранного права российскими судами скорее является экзотикой» [2, с. 168]. Вместе с тем возможное изменение сложившихся подходов к коллизионному регулированию семейных отношений должно коррелировать с традиционными духовно-нравственными ценностями российского общества, заложенными как в нормах обновленной Конституции РФ¹⁶, Семейном кодексе Российской Федерации¹⁷, так и в документах стратегического планирования.

Существуют и риски реализации автономии воли, которые нельзя не учитывать, например применение права недружественного государства. Наряду с расширением сферы и условий реализации автономии воли требуется одновременное приращение объекта правовой охраны сверхимперативных норм, уточнение условий применения оговорки о публичном порядке [11, с. 253], что будет соответствовать правам и законным интересам российских субъектов, создавать дополнительные механизмы обеспечения национальной безопасности.

Нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке: классическое понимание и новое звучание в условиях глобальных вызовов

Санкции, введенные в отношении России и ее физических и юридических лиц со стороны недружественных государств, подлежат оценке с точки зрения основ публичного порядка и сверхимперативных норм [13].

В литературе основанием для применения оговорки о публичном порядке в условиях санкций предлагается считать выбор в качестве применимого к сделке права несамостоятельных и несuverенных государств, не имеющего отношения к локализации ее элементов [6, с. 81]. Положительно оценивая стремление найти оптимальные юридические способы защиты интересов российских лиц и государства, отметим, что положения ст. 1193 ГК РФ об оговорке о публичном порядке создают действенный механизм отказа судом в применении иностранной нормы, последствия которого могут вступить в противоречие с национальными интересами Российской Федерации. Именно содержательный анализ свойств соответствующей иностранной нормы на предмет эффекта, возникающего в случае ее гипотетического применения в российской правовой системе, а не абстрактное отнесение к не совсем определенным критериям несамостоятельности и несuverенности государства, принявшего эту норму, позволяет суду в рамках его усмотрения применить оговорку о публичном порядке. Справедливо, что отказ в применении иностранного права на одном

¹⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

¹⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

только основании происхождения его норм из недружественного, несамостоятельного, несuverенного государства способен подорвать основы и саму суть МЧП [1]. Не стоит забывать и о таком способе непризнания в России правовых последствий чуждых правовых конструкций и отношений, как предварительная квалификация, на стадии которой неодобряемый правопорядком суда иностранный институт исключается из сферы применения коллизионной нормы, а необходимость обращения к оговорке о публичном порядке отпадает [12].

Более того, в настоящее время российскими судами формируется устойчивая практика неприменения иностранных санкционных ограничений в отношении отечественных физических и юридических лиц как противоречащих публичному порядку и нормам непосредственного применения¹⁸. В ее основу положено признание санкций властным запретом, иными словами, элементом публичного права соответствующих государств, которое не обладает экстерриториальным характером¹⁹.

В контексте публичного порядка и сверхимперативных норм особое значение приобретают специальные материально-правовые нормы, принимаемые в ответ на необоснованное установление санкционного режима [13]. Меры противодействия (ответные меры) российского правопорядка на действия недружественных государств логично рассматривать в качестве составной части российского публичного порядка²⁰, норм непосредственного применения [1], поскольку основными их целями выступают защита публичного интереса, целостности и безопасности государства, обеспечения прав и законных интересов его граждан²¹.

В связи с этим особняком стоит дело, рассмотренное Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области²², в решении по которому суд, установив, что договорные отношения сторон регулируются правом Финляндии, пришел к выводу, что нормы прямого действия ЕС, установившие санкции в отношении России, создают юридические обязательства для частных лиц в Финляндии и подлежат применению в споре с участием российской компании, на основании чего отказал российской компании в удовлетворении ее требований. Представляется, что это решение, не свидетельствуя в пользу пере-

¹⁸ См., напр.: определения Верховного суда РФ от 12 марта 2024 года № 305-ЭС24-669 по делу № А40-138158/2022 (URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2345378), от 19 февраля 2024 года № 305-ЭС23-29524 по делу № А40-211341/2022 (URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2338436).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 года № 8-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 9 декабря 2021 года № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692653&yscl=id=m0xr3jwv9x15619319#KZQw3OUsxjr837f01>

²⁰ П. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ № 156.

²¹ П. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 24.

²² Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.02.2024 по делу № А56-82244/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5TEpGXLeM6UF/>

смотра подходов отечественной судебной практики в отношении санкционной политики недружественных государств, демонстрирует необходимость утверждения или корректировки действующих разъяснений Пленума ВС РФ о применении норм МЧП к отношениям с санкционным элементом. В то же время судам следует помнить, что применение иностранной сверхимперативной нормы в российском правовом порядке является их правом, а не обязанностью, тогда как установлены случаи обязательного отказа в применении иностранной сверхимперативной нормы²³.

Результаты исследования

События последних лет, такие как санкционные ограничения и практика их применения с нарушением не только основных постулатов частного права, но и прав и свобод человека, демонстрируют не только содержательные направления модернизации отдельных институтов МЧП и подходов к коллизионному регулированию, но и постепенную его трансформацию в политический инструмент. В связи с этим задачи обеспечения национальной безопасности, укрепления государственного и технологического суверенитета [4] обуславливают расширение содержательной стороны правовой охраны оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения, развития коллизионного регулирования в направлении максимальной защиты прав и законных интересов российских субъектов. Со стороны доктринального знания оптимальными инструментами решения обозначенных задач могут стать усиление публичных нормообразующих факторов при определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм, увеличение компонента интересов правового порядка в коллизионных факторах формирования норм о применимом праве.

В условиях международной турбулентности и смены глобализационного вектора развития миропорядка на тренд регионализации актуализируются региональные интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, СНГ, БРИКС, сопровождаемые правовым регулированием трансграничных отношений. В одних случаях (СНГ) сложилось единообразное коллизионное регулирование трансграничных отношений, хотя в определенных сферах и требующее обновления, действуют унифицированные источники материально-правовых норм (СНГ и ЕАЭС). Правовым моделям регламентации трансграничного сотрудничества частных лиц в рамках БРИКС только предстоит сформироваться. Сказанное требует концентрации повышенного внимания на коллизионных нормах входящих в это объединение и планирующих присоединиться к нему стран, концептуального осмысления и доктринальной разработки соответствующих правотворческих решений в части создания действительно единообразного и эффективного коллизионного регулирования.

²³ П. 11 Постановления Пленума ВС РФ № 24.

Список источников

1. Абросимова Е. А., Рзаев Р. Гуммат-оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 90–97.
2. Войтович Е. П. Международное семейное право: quo vadis? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 166–173.
3. Дергачев А. А. Voie directe в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2022. № 1. С. 91–98.
4. Залоило М. В. Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (50). С. 5–18.
5. Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 9. С. 33–46.
6. Коваль В. Н. Проблемы практики применения норм международного частного права в новых экономических реалиях // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 77–88.
7. Куташевская Я. С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 83–115.
8. Мажорина М. В. Международное частное право как искусство // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 9 (109). С. 41–51.
9. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 107–120.
10. Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 71–78.
11. Научные концепции развития российского законодательства: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 656 с.
12. Тариканов Д. В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 80–92.
13. Чокорая М. О., Надежин Ю. Ю. Тенденции судебной практики в условиях внешнеэкономических ограничений // Арбитражные споры. 2023. № 4. С. 101–130.
14. Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. 2021. Т. 74, № 7. С. 44–60.
15. Andersson S. J. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-economy // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, №. 4. P. 374–394.
16. Evans P. C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey [Electronic resource]. 2016. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf
17. O'Hara E., Ribstein L. E. The Law Market. Oxford: Oxford University Press, 2009. 290 p.

References

1. Abrosimova E. A., Rzaev R. Gummat-ogly`. Sootnoshenie sankcij, publicznogo poryadka i sverximperativny`x norm v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2023. № 2. S. 90–97.

2. Vojtovich E. P. Mezhdunarodnoe semejnoe pravo: quo vadis? // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 3. S. 166–173.
3. Dergachev A. A. Voie directe v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Tretejskij sud. 2022. № 1. S. 91–98.
4. Zaloilo M. V. Transformaciya roli gosudarstva v sovremennom mire: paradigmal'ny`e sdvigi koncepcii suvereniteta // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 2 (50). S. 5–18.
5. Kanashevskij V. A. Problema kvalifikacii v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 9. S. 33–46.
6. Koval' V. N. Problemy` praktiki primeneniya norm mezhdunarodnogo chastnogo prava v novy`x e`konomicheskix realiyax // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28, № 4. S. 77–88.
7. Kutashevskaya Ya. S. Princip avtonomii voli kak sposob nivelirovaniya problemy` konkurencii vnedogovorny`x trebovanij v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 4. S. 83–115.
8. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo kak iskusstvo // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2023. № 9 (109). S. 41–51.
9. Mazhorina M. V. Cifrovyye platformy` i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili est` li budushhee u kiberprava? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). S. 107–120.
10. Muratova O. V. Preddogovornyye otnosheniya v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: specifika i tendencii pravovogo regulirovaniya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 3 (64). S. 71–78.
11. Nauchny`e koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva: monografiya / pod red. T. Ya. Xabrievoj, Yu. A. Tixomirova. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2024. 656 s.
12. Tarikanov D. V. Vzaimosvyaz` kvalifikacii i publichnogo poryadka v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 3. S. 80–92.
13. Chokoraya M. O., Nadezhin YU. YU. Tendencii sudebnoj praktiki v usloviyax vneshnee`konomicheskix ogranichenij // Arbitrazhny`e spory`. 2023. № 4. S. 101–130.
14. Shaxnazarov B. A. Sovremenny`e tendencii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava i ego mesto v sisteme prava // Lex russica. 2021. T. 74, № 7. S. 44–60.
15. Andersson S. J. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-economy // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, №. 4. P. 374–394.
16. Evans P. C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey [Electronic resource]. 2016. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf
17. O'Hara E., Ribstein L. E. The Law Market. Oxford: Oxford University Press, 2009. 290 p.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024;
одобрена после рецензирования: 17.05.2024;
принята к публикации: 20.05.2024.

The article was submitted: 02.05.2024;
approved after reviewing: 17.05.2024;
accepted for publication: 20.05.2024.